

* * *

И вдруг зима весной сменилась в январе,
и наша Библия с гравюрами Доре
сама собой на «Откровении» открылась.
На дождь в окно жена смотрела и молилась
об исцелении, но почки на кустах
уже набухли, застревали на устах
слова нетвердые: «О, милосердный Боже!»
А я молчал и думал, что в сырой рогоже
я не пойду босой бродить по деревням.
Но небо рушилось на руки деревьям,
пронзенным ветром ядовитым с автострады.
И если было в мире что-то вроде правды
пред ликом огненным грядущих катастроф,
то наша маленькая детская любовь.

* * *

Пылает костер. Замолчал козодой.
Поденки вальсируют смерть над водой,
печать Соломона — купена
цветет за палаткой... А Лена
поет под гитару про лето и жизнь
и все повторяет: «Сергея, держись!»

Землица тебе, менестрелю,
не станет пуховой постелью...»
Что верно, то верно! Веселый огонь
по хворосту пляшет, и кажется: тронь
июньское небо за плечи —
ты станешь, как музыка, вечен.
А вместе с тобой — этот лес и листва,
и Лены крестовой простые слова
о том, что у каждого личный
туман многослойный, двоичный,
о том, что в шестом измерении мы,
где связано все: положение Луны
и все, что темно и неровно,
что жизнь хороша
безусловно.

* * *

Заскрипел коростель, и качается тихо куга.
Пучеглазая жаба колышет коричневым зобом.
Человеческий род на Земле — голубая кругла —
как зверушка,
из глины на краткое пиршество создан.

Для чего в этот мир
я был женщиной в муках рожден?
Почему я не зверь, не цветок, не веселая птица?
О, всесильная жизнь
прошумела коротким дождем,
на поляне росу отряхнула с листа чемерица.

Муравей-пилигрим в серебристую каплю одну
окунул рыжеватые усики — в чистую влагу, —
я возьму его нежно, до самых вершин подниму
и домой отнесу потерявшего путь бедолагу.

* * *

По шву мой ватничек распорот.
Мотаю цепочку на ворот,
и поднимается ведро.
Летунья, черное перо,
ворона скачет на заборе.
Какая боль? Какое горе?
В полнеба обморок зари.
Такой свободою цари
одни лишь пользуются. Значит,
я тоже царь! Ворона скачет.

* * *

Мошкариные сумерки, сизый туман
меж березовых бледных стволов.
Где-то здесь выводила лисица-кума
лисенят на добычливый лов.

Лисенята бежали веселой гурьбой,
нападали внезапно на след,
и пчела обнимает цветок зверобой
и качает цветок огнецвет.

Наклоняется ива к озябшей звезде —
омут робко в лицо целовать.
Эти палые листья пружинят везде,
эти мхи, как живая кровать.

Уложить поплотнее пудовый рюкзак,
брзентуху свою постелить.
Исцеляется тело, светлеют глаза,
и ровнее дыханье
земли.

* * *

Когда четвертый день
по кровле
стучит насуспенное небо,
слышнее гул косматой крови,
полнее вкус любви и хлеба.

И машет дерево руками —
мол, это все не наше дело —
когда больными позвонками
хрустит отзывчивое тело.

Оно живет, ломает сушки,
зубами бьет о край стакана.

И на печной играет вьюшке
холодный ветер Себастьяна.

* * *

А под моим тяжелым сапогом
упавшая лесина захрустела.
Прошелестела листьями вдгон
береза. И сейчас, белее мела,
вся роща просияла впереди.

И понял я, что все озарено
Всевышнего заботой: на зерно
пролившаяся влага, муравьи,
и дерева, и мы, что крутолобы, —
родится все, все умирает, чтобы
наш мир стоял отважно на крови
и на любви, и превратился в Слово.
Вот потому-то стужа так сурово
войдет вот в этот лес, как я сейчас
вхожу и растворяюсь без остатка.
И день горит, как белая свеча,
как на костре черновиков
тетрадка!

* * *

Едва ли фантасты придумают мир
чудеснее нашего и бесполезней,
в далекой галактике —
 где-нибудь в бездне,
среди поглотивших материю дыр.
Мы наш-то — и это всего интересней —
не можем понять и глядим на ручей,
сквозь камни пробивший до моря дорогу,
журчащий молитву свою понемногу,
извилистый, звонкий, волшебный, ничей,
глядим и на камень таежному богу,
хозяину леса, вчерашний сухарь
кладем осторожно — да примет на ужин!
Вдруг, ветки раздвинув, тропу обнаружим,
ведущую в чашу, где живы: глухарь,
и звонкие сосны, и ветер, что кружит
над каменной — тоже подвижной —
 грядой,
и дышит, как зверь, небосвод голубой!

